

ХАРЬКОВСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 25

ИСТОРИЯ

Ордынский воинский вещевой комплекс со шлемом из Печенежского района.

Справи Бахмутської повітової поліції у Катеринославському губернському правлінні

АРХЕОЛОГИЯ

Точильный камень с тюркским граффити (городище Мохнач).

Поселення «Мохнач-Х» в околицях городища Мохнач.

Український лісостеп і близькосхідні походи скіфів.

ЭТНОГРАФИЯ

Іван Соколянський: дві автобіографії.

Харьковское областное отделение
Всеукраинской общественной организации
«Союз археологов Украины»

ХАРЬКОВСКИЙ
ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ВЫП. 25

Харьков
Мачулин
2020

УДК [001+2+008]:001.12(477.54/62)

ББК 63.3(4УКР51)я43

Автор идеи издания
ЗИНУХОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
(1950-2006), историк, писатель

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Терпиловский Р.В., д-р ист. н., профессор (Киев),
Сорочан С.Б., д-р ист. н., профессор (Харьков),
Колода В.В., к. ист. н., доцент (Харьков),
Квитковский В.И., к. ист. наук (Харьков),
Мачулин Л.И., к. филос. н., доцент (Харьков).

САЙТ: http://knigoizdat.org.ua/?page_id=505

Страница в ФБ: <https://www.facebook.com/IstorikoArheologiceskijSbornik?ref=bookmarks>

X90 Харьковский историко-археологический сборник.
Вып.25. – Х.: Мачулин, 2020. – 120 с., илл.

В сборник вошли статьи по археологии, истории, этнографии.
Рассчитан на археологов и историков, работников музеев,
работников отделов по охране памятников культуры и
истории, краеведов, студентов профильных ВУЗов, всех, кто
интересуется историей в многогранных ее проявлениях.

ББК 63.3(2)

ОРДЫНСКИЙ ВОИНСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС СО ШЛЕМОМ ИЗ ПЕЧЕНЕЖСКОГО РАЙОНА

Кулешов Ю.А.

Статья посвящена публикации богатого позднекочевнического воинского вещевого комплекса из киевской коллекции Евгения Гредунова. По сообщению владельца, он происходит из распаханного в послевоенные годы на склоне байрачного леса ордынского погребения в Печенежском районе Харьковской области. Само погребение, по уточнённой информации, включало в себя обломок серебряной шейной гривны, истлевшую кольчугу, шлем, саблю и одно стремя. Позднее последние 3 вещи попали в коллекцию Евгения Гредунова и доступны для исследования.

Стремя относится к типу Е-II по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова, единственный известный случай чёткой датировки этого типа стремени, датирован по монете хана Джанибека (тип с цветком) около 1350 г.

Сабля имеет множественные аналогии, которые надёжно датируют 2-й половиной XIV – рубежом XIV-XV вв.

Шлем оказался наиболее сложным в атрибутации, так как не имеет чёткой аналогии. Но автор, привлекая широкий круг находок, установил, что он, исходя из технологии, датируется временем не ранее 1375 г., а конструктивные нюансы публикуемого шлема помогли сузить его дату до 1410 - 1425 гг.

В заключение, переходя к атрибутации всего вещевого комплекса, автор приходит к выводу, что погребение, из которого происходят вышеописанные вещи, принадлежало служилому феодалу, имевшему феод в малоизученном государственном образовании 1-й половины XV в. Ягодеява тьма.

Кулешов Ю.О. Ординський військовий речовий комплекс із шоломом з Печенізького району.

Стаття присвячена публікації військового речового комплексу пізніх кочівників із приватної колекції Євгенія Гредунова. За повідомленням власника, комплекс походить з ординського поховання, що було розорано в післявоєнні роки і розташувалось на схилі колишнього байрачного лісу в Печенізькому районі Харківської області. Саме поховання, за уточненою інформацією, містило уламок срібної шийної гривні, залишки кольчуги, шолом, шаблю та одне стремено. Згодом

останні три предмети потрапили до колекції Євгенія Гредунова і наразі доступні для дослідження.

Стремено відноситься до типу Е-II по типології Г.О. Федорова-Давидова. Єдиний відомий приклад стремена цього типу із чітким датуванням, датовано за монетою хана Джанібека (тип із квіткою), і вказує на період біля 1350 року.

Шабля має численні аналогії, які надійно датуються другою половиною XIV – межею XIV-XV ст.

Шолом виявився найбільш складним в атрибуції, оскільки не має чітких аналогів. Але, залучивши широке коло знахідок, автором було встановлено, що шолом, зважаючи на технологію виготовлення, може бути датованим не раніше 1375 року, а його конструктивні особливості допомогли звузити датування до 1410–1425 років.

У висновку, переходячи до атрибуції всього речового комплексу, автор доходить висновку, що поховання, з якого походять описані предмети, належало служивому феодалові Яголдаєвої тьми – маловивченого державного утворення першої половини XV ст.

Kuleshov Yu.A. The hord millitary personal equiment complex with the helmet from pechenizkyi district.

This article is devoted to the late nomad rich military personal equipment complex publication from Evgeny Gredunov kiev collection. According to the owner statement this complex comes from the hord entombment ploughed after the Second World War based on the hillside of the wash canyon forest in the Pecheniz'kyi district, Kharkiv region. For the updated information the entombment included a piece of a silver neck choker, decayed chain armor, helmet, saber, and one stirrup. Later these helmet, saber, and one stirrup were got to the Evgeny Gredunov's collection and are available for the research now. The stirrup belongs to E-II type according to the G.A. Fedorov-Davydov typology. The only example of this stirrup type clear dating was dated back by a Djanibek Khan coin c-type with a flower.

The saber has lots of analogies that are surely dated back by the second half 14 century- the turn of the 14th-15th centuries.

The helmet turned out the most difficult to attribute because it doesn't have strict analogy. But the author using the wide variety of finds has find out that the helmet dates back not earlier 1375 a.c. And it's constructional nuances can limit the date area until 1410-1425 a.c.

Finally coming to the whole personal equipment complex attribution the author comes to the conclusion that the entombment from which all the above-described thing originate belongs to the military landlord who had a domain in the obscure state establishment of the 1st half of 15th c named Jagoldai.

Во вновь открывшемся Музее исторического оружия Евгения Гредунова (г. Бровары, Киевская обл.) 16 октября 2020 г. состоялась презентация выставки «Оружие Великого Княжества Литовского и соседей 13-17 столетий». Её «гвоздём» стал шлем с бармицей из витрины В15 «Оружие с места битвы на р. Ворскла 1399 г.». Как удалось уточнить у хозяина музея, шлем с бармицей не связан, но, в тоже время он является частью позднекочевнического вещевого воинского комплекса с Харьковщины. В свою очередь, набор вещей, обнаруженных вместе со шлемом, происходит из распаханного в послевоенные годы на склоне байрачного леса ордынского погребения в Печенежском районе Харьковской области. Само погребение, по уточнённой информации, включало в себя обломок серебряной шейной гривны, истлевшую кольчугу, шлем, саблю и одно стремя. Позднее последние три вещи попали в коллекцию Евгения Гредунова и доступны для исследования.*

Стремя (Рис. 1,1) имеет аркообразную форму, верхний край дужки образует правильную дугу. В тоже время, эта часть дужки расплющена, а снизу, под прямоугольной прорезью для ремня, она имеет небольшой выступ. Подножка стремени узкая, закруглённая книзу. Характерный контур стремени – яйцевидный, его размеры: высота – 13 см; ширина – 12,5 см.

По типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова стремя относится к типу Е-II, который надёжно датируется в рамках XIV в. [12, с. 13-16]. Единственный известный нам случай чёткой датировки этого типа стремени, это клад 1988 г. снаряжения всадника и верхового коня, на городище Старый Орхей – золотоордынский г. Шехр аль-Джедит, в Оргеевском районе Молдовы. Сам клад датирован по монете хана Джанибека

* Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить Е.В. Гредунова за возможность опубликовать находку, и оказанную помошь в подготовке её к публикации.

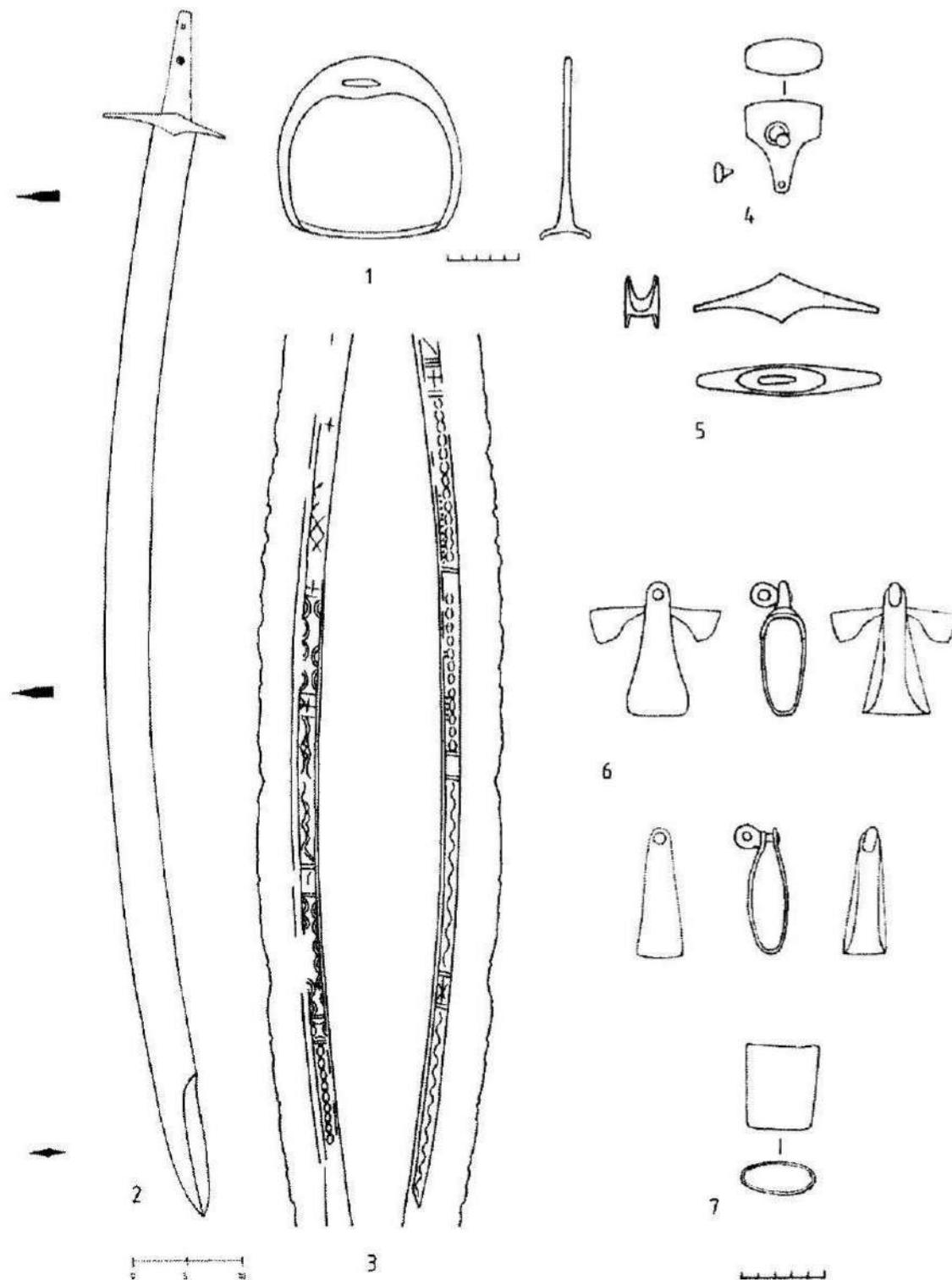

Рис. 1: Сабля и стремя из коллекции Евгения Гредунова, вещевой комплекс из Печенежского района Харьковской области – прорисовка: 1 – Стремя; 2 – Сабля, общий вид; 3 – Орнамент клинка; 4 – Навершие рукояти; 5 – Перекрестье; 6 – Обоймицы ножен; 7 – Устье ножен.

Художники И.И. Гарифуллов (1-2,4-7), А.С. Деменьева (3).

(тип с цветком), около 1350 г. [13, с. 73].

Сабля (Рис. 1,2), представляет собой плавно изогнутый широкий орнаментированный клинок с незначительно отогнутым в сторону лезвия череном, и небольшим, плавно сужающимся кончиком. На черене сохранились два штифта с расклёпанными концами, для фиксации щёчек рукояти. В момент находки на клинке присутствовала овальная обоймица для подгонки перекрестья, но она разрушилась в период хранения. Сечение клинка пятиугольное, на кончике – ромбовидное. Общая длина сабли – 104 см; длина черена – 10 см; длина кончика – 17 см; ширина клинка у основания – 3,6 см; посередине – 4,2 см; у перехода в кончик – 3,2 см; ширина черена у основания – 2,2; толщина спинки – 1,1 см.

Циркульный орнамент, выполнен в технике гравировки, но, к сожалению, плохо различим. (Рис. 1,3). Вследствие чего, этот яркий элемент публикуемой находки остаётся для нас малоинформативным. Хотя в целом, стоит признать, что вся данная тема всё ещё ждёт своего исследователя. И не смотря на то, что орнаментированные сабельные клинки IX-XIV вв. не такая уж большая редкость, но качественных публикаций подобных находок единицы [7, с. 26-27. табл. X; 9, с.23-29; 19, с. 268-276; 20, с. 65. рис. 15; 21, с. 122-134; 50, р. 38-39. №9], что делает затруднительным их изучение.

На сабле сохранились навершие рукояти, крестовина и детали ножен – две обоймицы от крепления портупеи, и наконечник ножен.

Навершие рукояти (Рис. 1,4), вырезано и согнуто из одной заготовки, шов хорошо читается с правой стороны, в лицевой части. Оно выполнено в форме колпачка, лицевая стенка которого заострённо оттянута книзу. На навершии сохранилась заклёпка, которая фиксировала его на рукояти.

Крестовина (Рис. 1,5), относится к типу ассиметричных, имеет в горизонтальной и вертикальной проекции подромбовидную форму. Внутрь крестовины вставлена крупная овальная шайба с прямоугольным отверстием

в центре под черен. На внешней дужке сверху и снизу отчётливо виден сварочный шов – это указывает на то, что крестовина была согнута из одной заготовки. Общая длина крестовины – 11 см; ширина дужек на кончиках – 1,1 см. Общий вес сабли с крестовиной – 0,99 кг.

Обоймицы (Рис. 1,6), относятся к типу с плечиками [8, с. 228-242]. Широкие хомуты с лицевой стороны в профиле имеют подтрапециевидную форму, с внутренней переходят в узкую полосу. У нижней обоймицы плечики утрачены, сохранившийся в первом случае экземпляр имеет загнутые вниз треугольной формы боковые выступы и, сверху, петлю для крепления. Наверху вся конструкция соединена штифтом, который с внутренней стороны обоймицы расклёпан, а с внешней согнут в петлю. Кольца для подвеса ремня в обоих случаях утрачены.

Наконечник ножен (Рис. 1,7) вырезан из одной заготовки, шов хорошо читается на одной из торцевых сторон. Представляет собой овальный в сечении стакан высотой 5 см.

Что касается датировки вышеприведённой сабли, то ситуация осложняется тем, что на сегодняшний день отсутствует сколько-нибудь объективная типология восточноевропейских позднесредневековых сабель. Вызвано это тем, что сабли традиционно связывают или напрямую с комплексом вооружения кочевников, или с его влиянием. В то же время, в последние годы идёт существенное переосмысление датировок кочевнических древностей [16, с. 142-143; 33, с. 306-311], что, в свою очередь, автоматически заставляет лишь критически рассматривать ранее разработанные классификации.

Ближайшей аналогией вышеописанной сабли являются находки из позднекочевнических погребений у х. Ажинов Ростовской области [30, табл. IV, 9], с. Бурты [19, с. 220. рис. 1,10] и с. Липовец [35, с. 310. рис. 15] бывшего Каневского уезда Киевской губернии, и в кургане 2 у с. Александровка II на Донбассе [37, с. 310. рис. 3,15]. Правда, во втором и

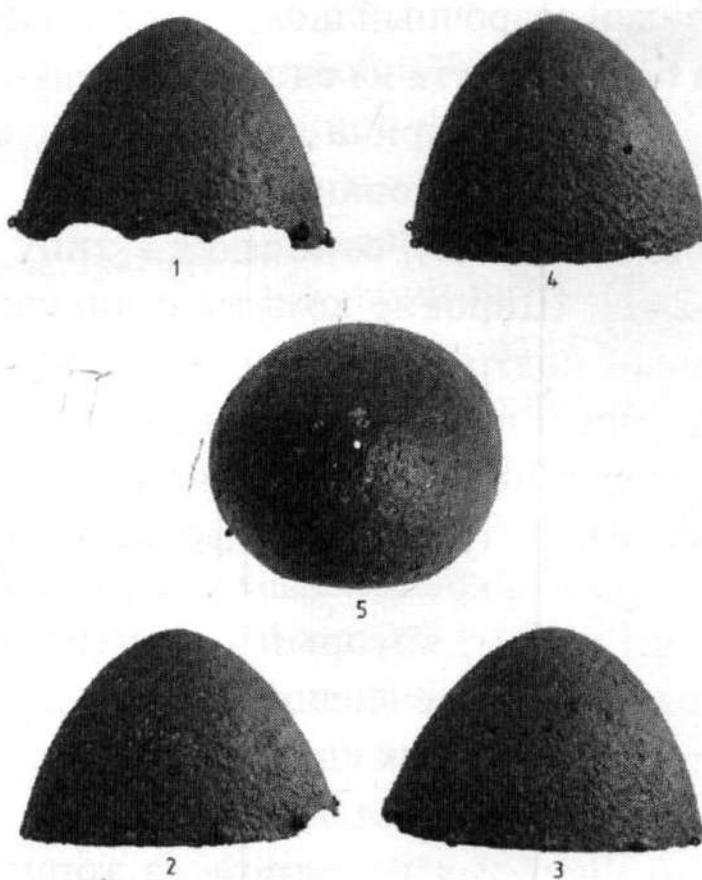

Рис. 2. Шлем из коллекции Евгения Гредунова, вещевой комплекс из Печенежского района Харьковской области –
фото: 1 – Вид спереди; 2 – Вид справа; 3 – Вид слева;
4- Вид сзади; 5 – Вид сверху.

третьем случаях на саблях иные по конструкции обоймицы ножен, а в последнем случае у сабли хоть и очень похожая, но чуть-чуть отличающаяся по форме крестовина.

В первом и последних случаях погребения с саблями, приведёнными в качестве аналогий, атрибутированы как половецкие, первое датируется серединой XIII в. [6, с. 157-180], второе концом XII – началом XIII вв. [37, с. 315], что, на наш взгляд, существенно удревнено. Дело в том, что западная ориентировка костяков указывает на то, что погребения являются мусульманскими и относятся к золотоордынской эпохе [11, с. 131-134]. Более того, как наглядно показал А.В. Евлевский, распрямленная гривна, присутствующая в обоих случаях, не является этническим маркером [12, с. 152-153]. Датировка двух остальных на сегодняшний

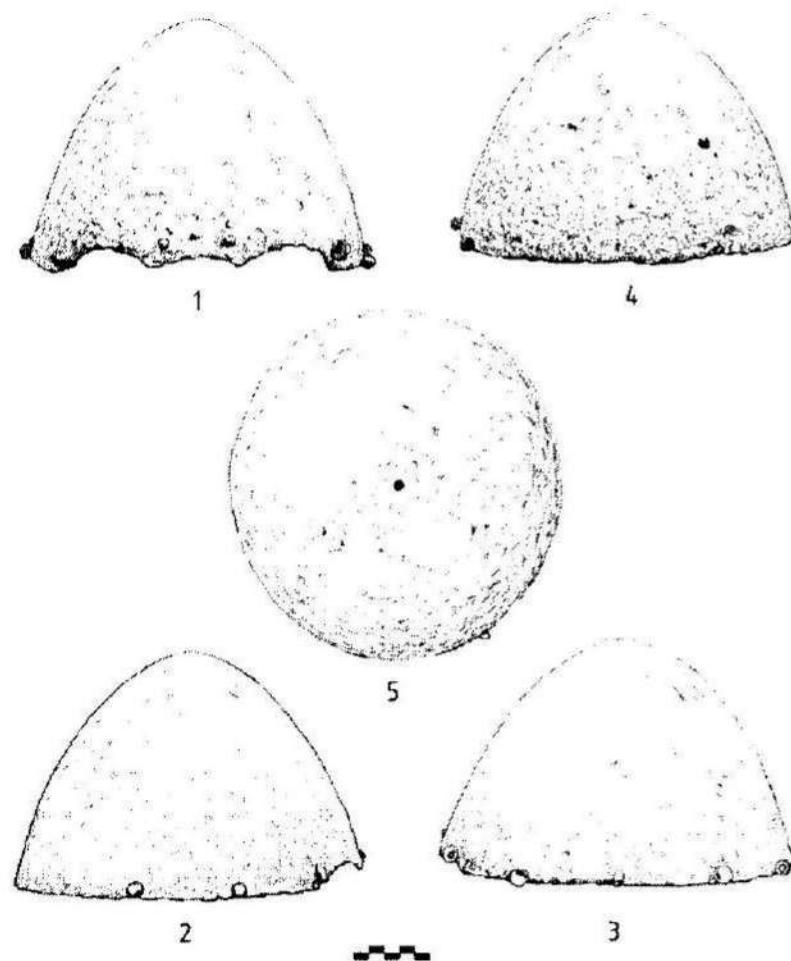

Рис. 3: Шлем из коллекции Евгения Гредунова, вещевой комплекс из Печенежского района Харьковской области – прорисовка: 1 – Вид спереди; 2 – Вид справа; 3 – Вид слева; 4 – Вид сзади; 5 – Вид сверху (художник И.И. Гарифуллов).

день существенно пересмотрена, и оба погребения надёжно датируют второй половиной XIV – рубежом XIV-XV вв. [34, с. 219-235; 23, с. 196-197].

Но наибольший интерес в публикуемом комплексе вызывает шлем. Последний представляет собой глубокое, но при этом невысокое боевое наголовье, по форме близкое уплощенному полуэллипсоиду. Максимальная высота шлема – 16,5 см; диаметр – 23x21,7 см; вес – 1,13 кг (Рис. 2-3). Он свёрнут из листового железа и сварен кузнечной сваркой, шов впоследствии разогнан. Внешняя граница шва прослеживается по расслоению металла на торце, в районе правого виска, толщина стенок по периметру – 2,3-3,2 см. На макушке присутствует технологическое отверстие диаметром 0,3 см. В лицевой части шлема расположены три

невысоких выреза, центральный более ли менее плавный, его длина – 3,5 см, а дуга обоих боковых переломлена по направлению к переносице, их длина – 5 см. Вне всяких сомнений, боковые являются глазницами, а в отношении центрального можно предположить, что оно служит для того, чтобы при фронтальном ударе, наклонившимся краем шлема не разбивало переносицу. Над центральным вырезом расположены три отверстия, оба боковых заглушены заклёпками. С учётом того, что стенки тульи имеют расширяющийся книзу радиус, это делает наличие наносника невозможным, таким образом, перед нами следы крепления лицевого клапана бармицы. Снизу по периметру шлема располагаются вервейсы для подвеса бармицы, часть из них утрачена, сохранилось семь единиц. Они выполнены из сплава жёлтого металла и представляют собой круглые петельки на ножке, которая расклёпывалась изнутри тульи. Внешний диаметр основных вервейсов – 0,7 см, двух, расположенных у глазниц, чуть больше – 1 см.

Таким образом, использование секторной заготовки в качестве основы шлема, её значительная толщина, способ соединения шва кузнечной сваркой и наличие вервейсов указывает на то, что шлем изготовлен в западноевропейской оружейной технологии. Но наличие вырезанных глазниц вкупе с полной круговой бармицей свидетельствует о том, что мастер, его изготовивший, был носителем восточноевропейских традиций, или работал на местный рынок. В последнем случае подобные примеры известны [26, с. 215-240].

Внешне вышеописанная находка, на первый взгляд, более всего похожа на западноевропейский шлем типа бацинет. Но данное впечатление обманчиво. Дело в том, что для шлема типа бацинет характерно максимальное облегание черепной коробки, в то время как у публикуемого образца стенки тульи имеют расширяющийся книзу радиус, а это уже принципиально иная морфология (Рис. 4).

В сложившейся ситуации мы хотели бы обратить внимание

ещё на одну находку шлема из воинского позднекочевнического погребения. Речь идёт об опубликованном ранее погребении 8 кургана 2 могильника Останний в Восточном Приазовье [10, с. 67]. При публикации данный шлем получил неверную атрибуцию, вследствие чего не вызвал дальнейшего интереса у исследователей. По непонятным причинам авторским коллективом публикации он был отнесён к группе золотоордынских боевых наголовий с козырьками [10, с. 91].

Между тем, как и вышеприведённая находка, данный шлем по форме близок уплощённому полуэллипсоиду. Но, при этом он более высокий, его размеры: высота – 19 см; диаметр – 25x22 см. К сожалению, изначально находка имела очень плохую сохранность и до нашего дня не сохранилась, но это хорошо видно по полевым фотографиям (Рис. 5) [5, с. 22. рис. 664-667].*

В тоже время, шлем из могильника Останний отличается от публикуемого шлема тем, что у него не предусмотрена бармица, полностью завальцована нижний край, и нет вырезанных глазниц. На наш взгляд, данная находка ближе всего походит на два шлема, обнаруженных при раскопках тевтонского замка в Плементах (Рис. 6,1-2) (историческая область

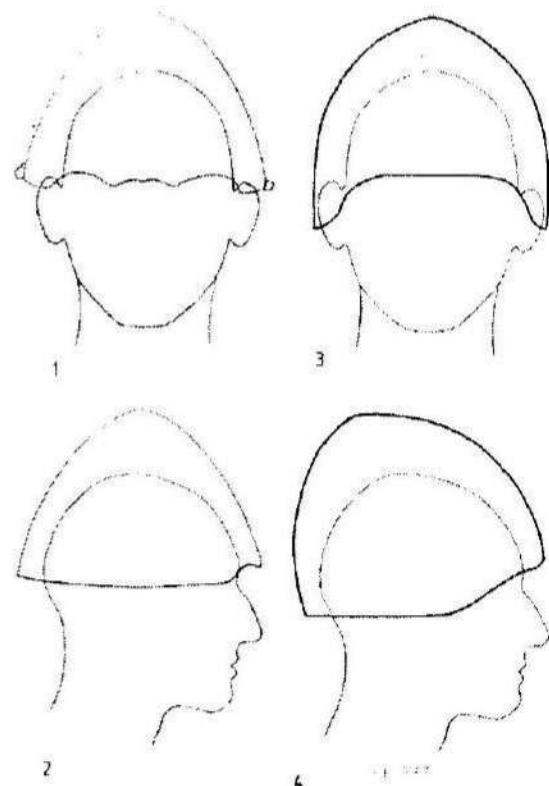

Рис. 4: Сравнение посадки на голове: 1-2 – Шлем из коллекции Евгения Гредунова; 3-4 – Бацинет, Замок Святого Ангела, г. Рим, Италия.

* Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить благодарность за разрешение использовать в своей работе полевые фотографии автору раскопок, заведующему Отделом археологии бронзового века ИА РАН д.и.н. А.Н. Гею.

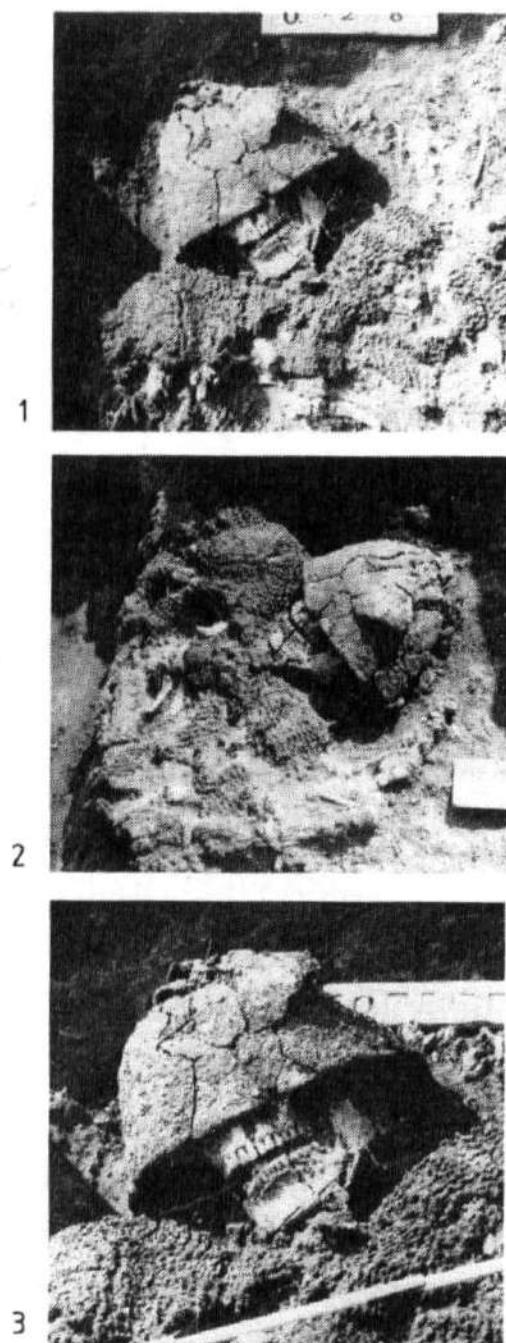

Рис. 5: Шлем из позднекочевнического воинского погребения 8 кургана 2 могильника Останний, Восточное Приазовье, Россия: 1-3 – фото *in situ*.

Видимо, к этому времени, а если и раньше, то ненамного, стоит относить и шлем из Останнего.

Но насколько обосновано мы можем относить к этому времени и публикуемый шлем? С одной стороны, несмотря на конструктивные отличия группы находок Останний/

Хелминская/Кульмская земля) [52, s. 92-94. гус. 25-26. tabl. VII-VIII] и шлем №2 из прусского могильника Долльхейм (Рис. 6,3), расположенного в исторической Самбии [49, s. 297-298. abb. 2. taf. 79,2].

Во всех трёх случаях шлемы склопаны из выколоченного в виде плошки навершия и тульи в форме усечённого конуса, но при этом у находки из Долльхейма добавлен широкий накладной венец, с двумя рядами заклёпок, завальцованный снизу. Верхний ряд заклёпок здесь монтирует венец к тулье, а нижний, видимо, служит для фиксации подкладки. В свою очередь, авторы публикации шлема из Останнега утверждают, что он является четырёхчастным [10, с. 68], в то время как наличие на нём завальцованного нижнего края указывает на то, что его конструкция аналогична шлемам из Племент. Оба последних надёжно датируются гибелью замка в ходе польско-тевтонской войны 1414 г. [52, с. 7-10].

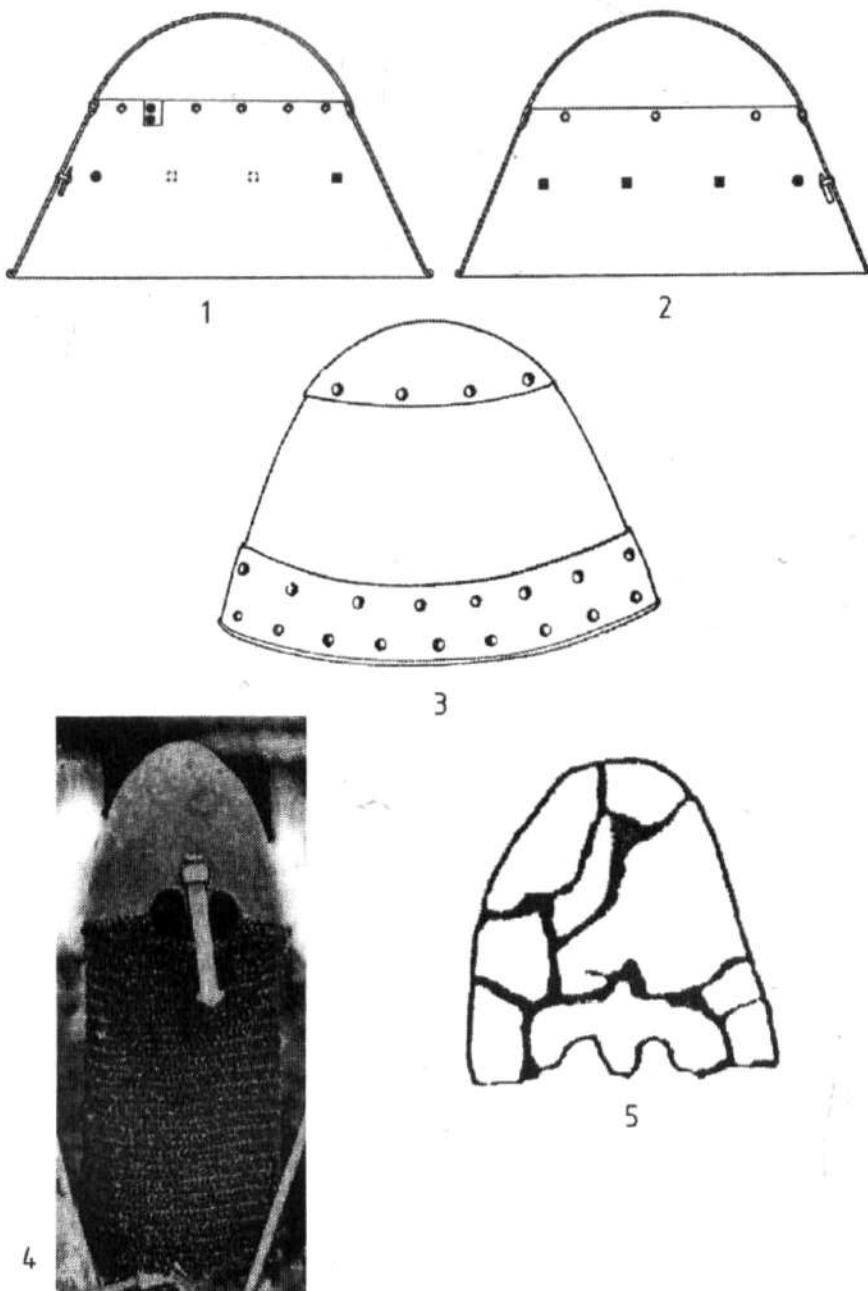

Рис. 6: 1 – Шлем № 1 из орденского замка Плементы, историческая область Хелминская/Кульмская земля; 2 – Шлем № 2 из орденского замка Плементы, историческая область Хелминская/Кульмская земля; 3 – Шлем №2 из прусского могильника Долльхейм, историческая Самбия; 4 – Так называемый «шлем Ос-Багатара», Центральный Кавказ; 5 – Первичная реконструкция шлема из 1 погребения Келийского могильника, Ингушетия, Россия.

Плементы/Долльхейм, можно предположить, что они имеют общее происхождение с харьковской находкой. С другой стороны, это могут быть некие конструктивные инновации, вошедшие в моду на рубеже XIV-XV вв., и характерные для шлемов этого периода. И действительно, если мы

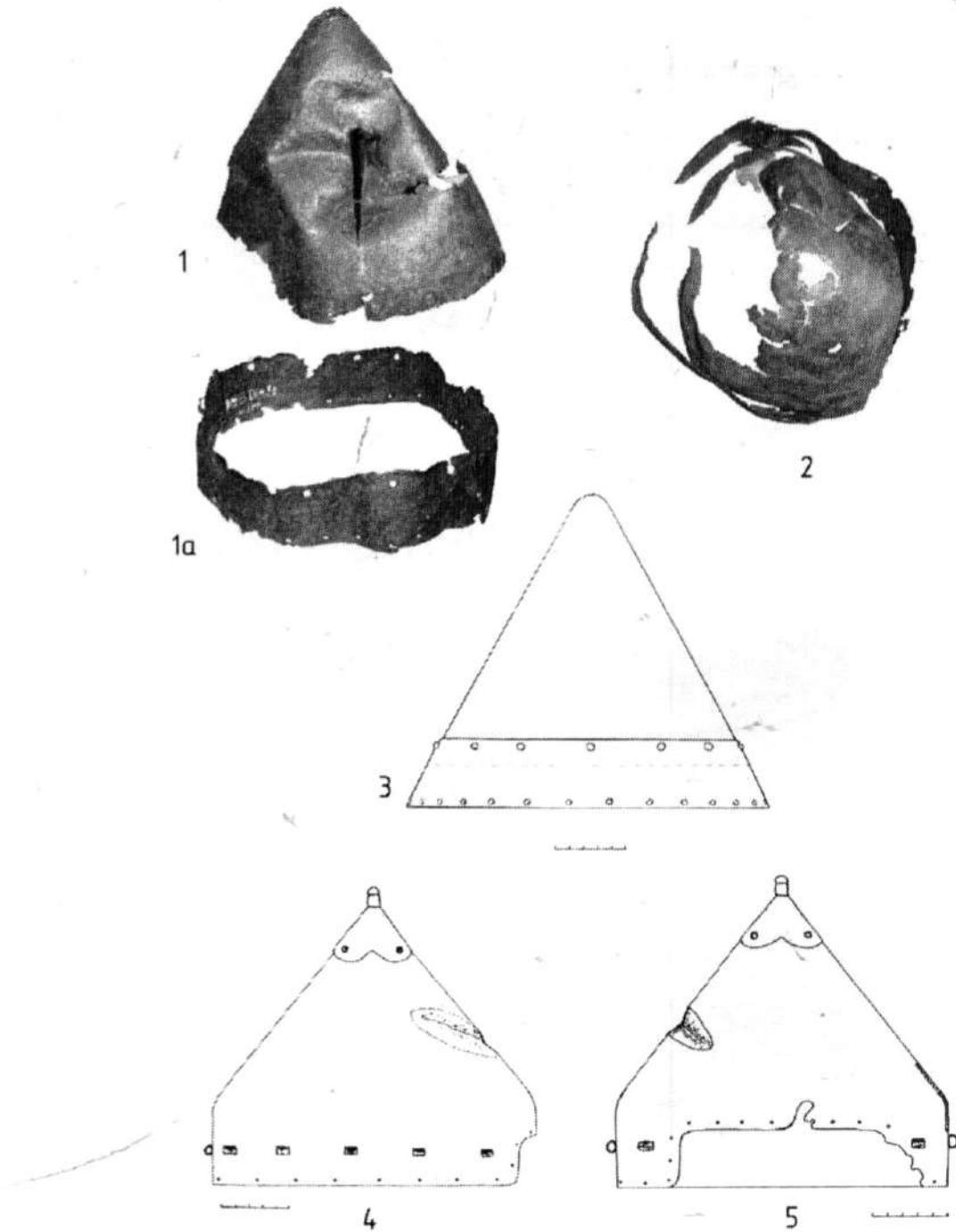

Рис. 7: 1-1а – Шлем, и его накладной венец, случайная находка из разрушенного литовского могильника у д. Русый, Кайшядорский район, Литва, общий вид; 2 – Шлем случайная находка из разрушенного литовского могильника у д. Русый, Кайшядорский район, Литва, вид сверху; 3 – Шлем случайная находка из разрушенного литовского могильника у д. Русый, Кайшядорский район, Литва, реконструкция (художник И.И. Гарифуллов); 4 – Шлем случайная находка в окрестностях г. Торжок, Тверская область, Россия, вид справа; 5 – Шлем случайная находка в окрестностях г. Торжок, Тверская область, Россия, вид в профиль.

обратимся к боевым наголовьям, близким к этому времени, то увидим, что подобное формование тульи имеет место быть. В этом плане для нас интересна, во-первых, случайная находка из разрушенного литовского могильника у д. Русый (Кайшядорский район бывшей Литовской ССР), которая представляет собой шлем конической формы высотой 22,5 см и диаметром 67 см. В нижней части на нём приклёпан широкий (5,5 см) накладной венец, который очень грубо сварен из двух половин. Конструктивно эта деталь очень близка венцу на шлеме из Долльхейм (Рис.7,1-2) [4, с. 125-127; 56, р. 61-64, 67-68.]. К сожалению, русийский шлем подвергся ритуальной порче, характерной для погребального обряда прибалтийских племён, в ходе чего очень сильно пострадал, в том числе отломан венец, но его первичный вид легко восстановим (Рис. 7,3). Местными исследователями находка без каких-либо серьёзных оснований датируется достаточно широко, X-XIII вв. [4, с. 131; 56, р. 67-68]. В то же время, такая деталь как похожий на шлем из Долльхейм венец, и схожая морфология тульи, указывает на то, что шлем из Русый, скорее, ближе к датировке группы находок Останний/Плементы/Долльхейм.

В свою очередь, очень близкий русийскому экземпляру шлем (есть даже венец) мы видим на изображении более позднего времени. Речь идёт об алтаре «Жизнеописание Иисуса», где он показан на одном из воинов царя Ирода, избивающих младенцев, в сцене на фронтальной части триптиха (Рис. 8,1). Это произведение было создано ближе к середине XIV в. неким наваррским анонимом для приходской церкви городка Артета (Наварра), ныне хранится в Национальном музее искусства Каталонии (г. Барселона, Испания).

В данном случае примечательно то, что шлемы этого вида использовались, видимо, весьма короткий промежуток времени, так как ни до, ни после интересующего нас периода мы их не встречаем.

Следующий шлем для нас более примечателен ввиду вышепоставленного вопроса. Речь идёт о так называемом «шлеме Ос-Багатара», который приписывается последнему полулегендарному осетинскому царевичу, предположительно жившему в конце XIII в. [31, с. 123. рис. 2,1]. Данный экземпляр относится к группе боевых наголовий известных как шлемы Вавельского типа [54, с. 79-103]. На сегодняшний день сохранилась единственная фотография, сделанная около 1920 г. основоположником грузинской археологии Г. К. Ниорадзе, где этот шлем показан целым и без утрат [53, тaf. 10]. На ней чётко видно, что данный образец имел полуэллипсоидный абрис тулы (Рис. 6,4). Вот только накладной приклёпанный венец с фигурно оформленным верхним краем делает его несколько выше приведённых экземпляров.

Традиционно принято считать, что «шлем Ос-Багатара» является одним из ранних представителей своей группы боевых наголовий, верхнюю границу бытования которых относят ко второй половине XVII в [54, с. 99]. Что касается нижней, то большинство исследователей склонны относить её к XIII в., и даже ранее. Основанием для этого служат предания, приписывающие ряд экземпляров тем, или иным легендарным личностям [55, с. 87-89]. Между тем, как показывает практика, в реальности эти реликвии никакого отношения к конкретным героям не имеют [1, с. 68; 66-74, с.145-147]. В случае со «шлемом Ос-Багатара» мы имеем схожую ситуацию. Дело в том, что, как показывают последние исследования, данный экземпляр, как и вся группа в целом, не мог появиться ранее 2-й половины XIV – начала XV вв. [42; 48].

В этом плане заслуживает ещё внимания первичная реконструкция шлема из 1 погребения Келийского могильника (Ингушетия), который относится к одному типу со «шлемом Ос-Багатара». Здесь опять же мы видим уплощённую полуэллипсоидную форму (Рис. 6,5) [43,

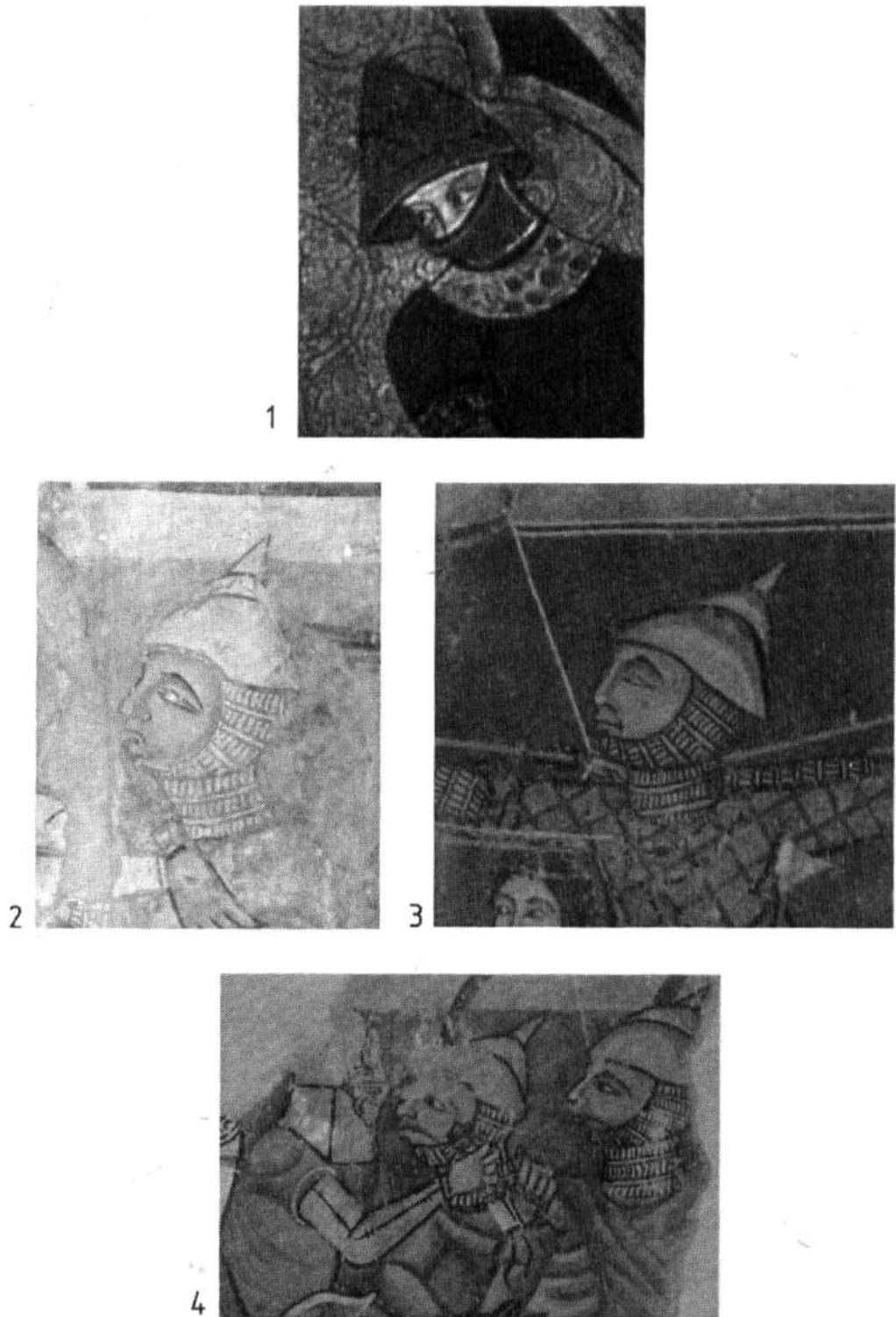

Рис. 8: Фрагмент сцены «Избиение младенцев» на фронтальной части алтаря приходской церкви городка Артета, Наварра, Испания; 2 – Фрагмент фрески «Легенда о Святом Ладиславе» из церкви Святого Имре, коммуна Гелинца, жудец Ковасна, Румыния; 3-4 – Фрагменты фрески «Легенда о Святом Ладиславе» из приходской церкви коммуны Крэчунел, жудец Харгита, Румыния.

с. 139. рис. 4,8], но позднее авторы раскопок уточнили ряд конструктивных деталей и внешний вид реконструкции данного шлема несколько изменился [3, с. 76. рис. 1,1]. Какой из вариантов реконструкции более обоснован, мы сейчас не возьмёмся утверждать, тем более, это выходит за рамки нашей работы.

Между тем затронутая группа для нас интересна ещё и тем, что более поздние её представители имеют стенки тульи, опущенные вниз под углом 90° [55, fig. 1-5]. В свою очередь это свидетельствует в пользу второй высказанной выше версии, то есть, что все ранее представленные шлемы не имеют общего происхождения, а расширяющийся радиус стенок тульи является конструктивной инновацией, которая появляется в не ранее второй половины XIV в. и бытует ограниченный период времени.

Для того, чтобы определить верхнюю границу этого периода, нам стоит обратить внимание ещё на одну находку.* Это шлем из случайно обнаруженного поисковиками на рубеже 90-х – 00-х гг., позднесредневекового воинского клада в окрестностях г. Торжок (Тверская область). Данный экземпляр представляет собой боевое наголовье в форме уплощённого конуса, низ которого отогнут в виде невысокого цилиндрического венца с П-образным лицевым вырезом. Сверху шлем венчает четырёхлепестковое накладное навершие с коротким шпилем, а снизу по периметру пущена цепь мелких отверстий для пришивки подшлемника, и от виска к виску 11 цилиндрических вервейсов для фиксации бармицы. Сделан шлем из свёрнутого в воронку листа толщиной 2,5 мм с паяным швом на затылке, общая высота находки – 22 см; диаметр 20-24 см; размеры лицевого выреза 14x4 см, на поверхности читаются следы позолоты

* Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить м.н.с. Отдела научной сохранности памятников культуры и истории ВИМАИВиВС, г. Санкт-Петербург, А.Г. Панкратова за то, что обратил наше внимание на данный шлем в виду высказанной выше концепции.

(Рис. 7,4-5) [14, с. 220-221]. В свою очередь, секторная заготовка, взятая за основу шлема, её значительная толщина и цилиндрические вервейсы указывают на то, что шлем сделан в западноевропейской оружейной технологии. Но способ соединения шва – пайкой медным припоем, указывает на то, что мастер был изначально носителем местных кузнечных традиций.

Приведённую выше находку устойчиво относят к группе глубоких цилиндроконических боевых наголовий [14, с. 216-234], и действительно, с первого, невооружённого взгляда, она имеет на это все основания. Между тем данный экземпляр не располагает для этого никакими параметрами [28]. Во-первых, весьма низкий венец, по отношению к тулье (6 см к 18 см) не делает его глубоким. Более того, если даже предположить, что владелец шлема имел достаточно большой размер головы, то при столь низком венце в надетом положении стенки тулы попросту будут лежать на своде черепа. Во-вторых, форма тулы в виде уплощённого конуса при достаточно большом диаметре свидетельствует в пользу того, что представленный экземпляр морфологически схож с рассмотренной выше серией шлемов. То есть базовые позиции данной находки позволяют её классифицировать именно как боевое наголовье, имеющее расширяющийся книзу радиус стенок тулы. А венец здесь служит лишь как конструктивное решение, некая площадка для размещения дополнительного элемента, позволяющего улучшить обзор.

Что касается датировки новоторжского шлема, то К.А. Жуков, автор, его опубликовавший, относит находку ко 2-й половине XIV-XV в. [14, с. 221], то есть, как видим, достаточно широко. Но при этом вопросов по нижней границе не возникает - она не противоречит в случае границе рассмотренной выше серии шлемов и, соответственно, принципиально не нуждается в уточнении. Что касается верхней границы, то для нас она наиболее

интересна, так как позволяет уточнить хронологию всей серии вышеприведённых шлемов. Дело в том, что данный экземпляр имеет очень специфические конструктивные элементы для монтажа бармицы – цилиндрические вервейсы, которые, в свою очередь, являются достаточно надёжным датирующим маркером. Пик их популярности, согласно данным европейских исследователей, приходится на 1410-1425 гг [45, р. 108-112]. А позже они практически сразу исчезают, так как шлемы типа бацинет – основной тип боевых наголовий в Западной Европе, где использовались цилиндрические вервейсы, с началом 2-й трети XV в. быстро вытесняют более совершенные виды шлемов.

Таким образом, из всего вышесказанного, становится очевидным, что верхняя граница бытования шлемов с расширяющимся книзу радиусом стенок тульи в Восточной Европе не может выходить за 1425 г. Что касается нижней границы их появления, то, на наш взгляд, её стоит немного поднять до рубежа третьей – четвертой четверти XIV в., так как в это время ещё продолжают встречаться шлемы более ранних типов [17, с. 90]. При этом, в случае с публикуемым шлемом мы имеем возможность сузить датировку опять же с оглядкой на новоторжскую находку. Дело в том, что и шлем из округи г. Торжка, и публикуемый шлем – оба имеют дополнительные конструктивные решения для улучшения обзора, П-образный лицевой вырез и вырезанные глазницы. То есть они являются конструктивным добавлением, потребность в котором выявила в ходе эксплуатации шлемов с расширяющимся книзу радиусом стенок тульи. Подтверждение этому мы видим в том, что чуть более ранняя группа находок Останний/Плементы/Долльхейм и шлем из Русской подобных элементов не имеют.

Исходя из этого, публикуемый шлем стоит датировать в пределах середины – конца 1-й четверти XV в. О том, что наши выводы верны, свидетельствуют и две фрески, происходящие с территории исторической Трансильвании.

Первая фреска из церкви Святого Имре, находится в коммуне Гелинца, жудец Ковасна, вторая из приходской церкви коммуны Крэчунел, жудец Харгита, (и та и другая – современная Румыния). В обоих случаях показан сюжет так называемой «Легенды о Святом Ладиславе» – полулегендарный эпизод из ранних лет жизни будущего венгерского короля Ласло Святого (1077-1095 гг.), когда, при отражении очередного печенежского набега на Венгрию, в 1068 г., он заметил на крупе лошади у одного из убегающих кочевников пленную девушку, догнал и убил его, тем самым освободив пленницу. Обе фрески датируются венгерскими коллегами в пределах интересующего нас времени [46, с. 63; 47, с. 12-15], а представленные здесь кочевники отражают образ современных им татар.

В первом случае шлем, очень похожий по конфигурации на публикуемый, мы видим у главного отрицательного персонажа (Рис. 8,2), во втором подобные шлемы показаны у всех кочевников (Рис. 8,3-4). Последний нюанс для нас особо примечателен, так как это прямое свидетельство на широкое распространение подобных шлемов в среде воинов-татар в это время.

В целом, по шлему, как наиболее позднему предмету, стоит датировать и весь комплекс из Печенежского района на Харьковщине. Что касается его атрибуции, то, во-первых, данное погребение принадлежало обеспеченному индивиду, который мог себе позволить приобрести полный комплекс вооружения: шлем, кольчугу, саблю. Во-вторых, наличие оружия в комплексе указывает на то, что погребённый являлся служилым феодалом – яу [24, с. 232]. То есть, это представитель аристократии, которая являлась держателями ленного пожалования – суюргала, данного на условиях военной службы [41, с. 91, 114]. В чуть более раннее время, в период целостности Золотой Орды, такие держания концентрировались на её границах – в Предкавказье, Поросье, Нижнем Поднепровье, Побужье [36, с. 280-281]. При этом стоит

отметить, что в золотоордынское время в регионе, где был обнаружен публикуемый комплекс, свидетельств наличия подобных единиц улусно-административной системы мы не имеем, как и их маркеров в виде позднекочевнических богатых воинских погребений [36, с. 272, рис. 1]. Между тем, на период, которым датируется комплекс, 1410-1425 гг., судя по всему, данный регион являлся пограничной территорией между Большой Ордой и Ягодной тьмой.

В отношении последней историки до сих пор не могут чётко обозначить границы этого государственного образования [38, с. 148]. В этом плане мы хотели бы обратить внимание на два позднекочевнических богатых воинских погребения из Воронежской области, первое, у с. Олец-Колодезь, близ г. Нововоронеж [13, с. 93-108], а второе, из курганной группы «Высокая гора», в районе г. Богучар [22, с. 114-127]. Правда стоит заметить, что авторы, их опубликовавшие, относят оба погребения к концу XIII – началу XIV в. Мы не станем сейчас заниматься вопросом их датировки, так как это выходит за рамки нашей работы, но отметим, что в обоих случаях, исходя из типа боевых наголовий, находившихся в погребениях, датировка здесь изначально была у древнена [25, с. 537-558]. При этом в нашем распоряжении имеется информация об обнаружении ещё одного позднекочевнического богатого воинского погребения в районе г. Россось – это на север от г. Богучар, по направлению к г. Нововоронеж.

Следовательно, становится заманчивым предположить, что указанные погребение, наравне с публикуемым, маркируют нам южную и юго-восточную границу Ягодной тьмы. Но тут может возникнуть вопрос, почему именно границу Ягодной тьмы? Дело в том, что далее на восток, от оси погребений у с. Олец-Колодезь, близ г. Россось и курганной группы «Высокая гора», располагалось другое государственное объединение – Червлёный Яр [44]. Таким образом, линия всех четырёх

погребений, на интересующую нас дату, не позднее 1425 г., приходится на стык трёх государственных объединений. И только Яголдаева тьма имеет общую границу с двумя соседними.

Надеемся, что в будущем исследователям удастся больше пролить свет на этот вопрос.

В завершении мы хотели бы остановиться ещё на следующем моменте ввиду предложенной атрибуции публикуемого шлема. Обращает на себя внимание то, что все представленные экземпляры, за исключением группы Останий/Плементы/Долльхейм, не являются серийными, что характерно для восточноевропейских боевых наголовий до последней трети XIV и со второй трети XV в. Объяснение этому, на наш взгляд, нужно искать в следующем. Все эти шлемы сделаны при помощи инновационной для восточноевропейского региона этого времени технологии: в их основе использована секторная заготовка из листового железа, с соединением шва кузнечной сваркой, причём старая технология сборки шлемов из нескольких кусков, соединённых посредством клёпки, продолжает здесь существовать ещё как минимум одно поколение после верхней границы представленных выше экземпляров [28]. Между тем широкое распространение этой прорывной технологии впервые фиксируется в Византийской Империи [26, с. 223-225] на рубеже 1-й – 2-й трети XIV вв. [27, с. 234; 29], то есть за целое поколение до нижней границы выше показанной серии шлемов. Таким образом, налицо технологическое запаздывание более чем на 30 лет.

Здесь стоит сделать отступление. Дело в том, что нам не раз приходилось слышать от коллег скептические высказывания насчёт вероятности технологического отставания в том или ином регионе. Между тем замедление развития в процессах металлургии и металлообработки на Руси во второй половине XIII-XV в. отмечено на основе материалов археологии современными палеометаллургами

[15, с. 129]. Наряду с этим, в Золотой Орде, уже начиная с правления хана Джанибека (1342-1357 гг.) чётко фиксируется кризис оружейного производства [24, с. 225-227]. В то же время, самое примечательное, что его разрешение ознаменовано как раз 1375 г. [24, с. 227-228]. Таким образом, не остается сомнений, что период датировки всех выше рассмотренных шлемов, то есть 1375-1425 гг., в восточноевропейском регионе является первичным этапом освоения новой технологии при изготовлении боевых наголовий. В пользу этого свидетельствует, к примеру, грубая сварка венца шлема из Русия, или соединение медным припоем секторной заготовки на новоторжском шлеме. Стоит заметить, что нам известен ещё один шлем из данного региона, изготовленный из секторной заготовки, но шов здесь паян припоем на основе меди. Он был найден в округе г. Елец, и имеет синхронную датировку, 1385-1415 гг. [26, с. 218-221, рис. 3, 1-2]. Таким образом, на лицо неполное соблюдение технологической схемы. Подобная ситуация возможна только, если мастер не полностью овладел всеми навыками и тонкостями осваиваемых новшеств. В свою очередь, расширяющийся книзу радиус стенок тульи, на наш взгляд, вызван теми же причинами.

Здесь необходимо пояснить технологический аспект. Дело в том, что при использовании секторной заготовки, в момент её сворачивания, если до этого заготовке не была придана форма, к примеру, как на шлеме из округи г. Елец, то она автоматически принимает форму конуса. В то же время, для подгонки необходимого размера, в зависимости от объёма головы будущего владельца, требуются дополнительные операции. Как правило, в таких операциях используется повторная кузнецкая сварка [26, с. 224-225]. В нашем же случае, у нас есть все основания полагать, что оружейники восточноевропейского региона не обладали подобными навыками, на что указывают накладные клёпанные венцы на экземплярах из Долльхайм, Русия и так называемом «шлеме

Ос-Багатара». Более того, в данных конкретных примерах накладной венец играл роль именно регулятора размера, то есть мастера вынуждены были наращивать высоту, так как иначе, при недостаточной высоте стенки тульи попросту легли бы на основание черепной коробки. Подтверждение тому, что на первоначальном этапе освоения новой технологической схемы восточноевропейские мастера не имели навыков повторной кузнечной сварки при подгонке необходимого размера, мы можем видеть на шлеме из погребения 85 Келийского могильника (Ингушетия) [32, с. 183, 193, рис. 2]. Здесь на воронковидной заготовке был сделан надрез, почти до половины высоты, затем края завели друг за друга и обрезали, что является стандартными операциями во время подгонки размера [26, с. 224]. Но, в то же время, сам шов соединили посредством клёпки, тремя заклёпками.

Что характерно, исходя из географии находок, подобную ситуацию мы наблюдаем во всём восточноевропейском регионе конца XIV – начала XV в. Таким образом, мы можем констатировать, что период между 1375 г. и 1425 г., в Восточной Европе является тем этапом, когда происходит разрыв традиций в используемых типах боевых наголовий. То есть, его начало ознаменовано исчезновением старых типов шлемов, в то время как конец – зарождением новых, развитие которых мы видим в дальнейшем, во 2-й половине XV-XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев А. Р. О мечах-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // Российская археология. № 2. – Москва, 1992.
2. Бырня П.П. Рябой Т.Ф. Два клада из Старого Орхея. Кишинёв, 2000.
3. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Верного Кавказа. – Краснодар, 1994.
4. Габрюнайте К. Локальные подражания раннесредневековых

шлемов русского типа в Литве // *Acta Baltico-Slavica: Archeologia, Historia, Ethnographia et Linguarum Scientia*. Т. II. – Białystok, 1965.

5. Гей А.Н., Сатеев О.И., Ульянова О.А. Отчёт о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1985 г. (Раскопки могильника Останий). – Архив ИА РАН. Р-1. № 11628. Т. I.

6. Горелик М.В. Погребения знатного половца – золотоордынского латника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2009.

7. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – Москва, 1998.

8. Гусынин В. А., Прокопенко В. М. «Обоймы с плечиками» — один из типов обойм сабельных ножен XIII-XIV вв. // Історія давньої зброй. Дослідження 2016. Київ, 2017.

9. Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // Эпиграфика Востока. Вып. XXI. – Ленинград, 1972.

10. Дружинина И.А., Чхайдзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-Москва, 2011.

11. Евлевский А.В. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время // Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца: тезисы докладов научно-практической конференции. Луганск, ноябрь, 1990 г. Луганск, 1990.

12. Евлевский А.В. Семантика распаяленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв. // Археологический альманах. Донецк, 1998.

13. Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. – Ростов-на-Дону, 1999. № 3-4.

14. Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII-XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. – Тула, 2005.

15. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. – Москва, 2007.

16. Зеленский Ю.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности кочевнических погребений Степного Прикубанья и Восточного Закубанья XIII-XIV вв. // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. – Краснодар, 2013.

17. Каинов С.Ю., Кулешов Ю.А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // *Stratum plus. №6: Время войны: Победители и побежденные*. – Санкт-Петербург – Кишинёв – Одесса - Бухарест, 2014.

18. Кирпичников А. Н. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины (по материалам экспозиции АИМ) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып 4. Ленинград, 1959.
19. Кирпичников А.Н. Так называемая сабля Карла Великого // Советская археология. № 2. – Москва, 1965.
20. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: мечи и сабли IX-XIII вв. – САИ Е1-36. – Москва – Ленинград, 1966.
21. Кирпичников А.Н., Коваленко В.П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. Вып. 2. – Санкт-Петербург, 1993.
22. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойко А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. № 3-4. – Ростов-на-Дону, 2000.
23. Кулешов Ю.А. Ещё раз о фигураоформленных фиксаторах восточноевропейских антропоформных масок-забрал // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014.
24. Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация, №7. – Казань, 2014а.
25. Кулешов Ю.А. Об одной серии ранних золотоордынских шлемовиз музейных коллекций Украины и Болгарии // Добруджа. № 32: Сборник в чест на 60 години проф. д.и.н. Георги Атанасов. – Силистра, 2017.
26. Кулешов Ю.А. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музеяного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. – Санкт-Петербург, 2019.
27. Кулешов Ю.А. К проблеме выделения византийских боевых наголовий (на примере одной группы шлемов) // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 5: В честь 90-летия выдающегося отечественного оружиеведа доктора истрических наук А.Н. Кирпичникова. Москва, 2019а.
28. Кулешов Ю.А. К проблеме выделения боевых наголовий XV в. в древнерусском комплексе вооружения (в свете дискуссии о смене доспешной моды в период ориентализации) // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 8. – в печати.
29. Кулешов Ю.А., Каменский А.Н. К вопросу о появлении и распространении клёпано-нашивных систем бронирования на примере

хронологии Великого Новгорода // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 8. – в печати.

30. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году – Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. – Москва, 1974.

31. Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир. 2003.

32. Нарожный В.Е. Нарожный Е.И. Захоронение №84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра. Вып. IV. – Назрань, 2012.

33. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. О группе кочевнических погребений золотоордынского времени со шлемами с козырьками. // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. – Краснодар, 2013.

34. Панкратов А.Г. Комплекс защитного снаряжения из захоронения кочевника возле с. Бурты. Технологические аспекты и временной период бытования // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. Часть II. – Санкт-Петербург, 2019.

35. Плетнёва С.А. Древности чёрных клубков – САИ Вып. Е1-19. Москва, 1973.

36. Потёмкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых nomadов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. – Донецк, 2010.

37. Прынъ А. В. Погребение знатного половецкого воина из курганного могильника Александровка II в Донбассе // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 2. Луганськ, 2004.

38. Русина Е. Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Выпуск 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. – Москва, 2001.

39. Сизовъ В. Древній желѣзныи топорикъ изъ коллекцій Исторического Музея // Археологическія извѣстія и замѣтки издаваемыя Императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ. Т. V. – Москва, 1897.

40. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. Москва, 1966.

41. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.

42. Харламов П.В., Зиняков Н.М. Случайная находка средневекового

шлема в Центральном Оренбуржье // Военная археология: Сборник материалов научного семинара. Вып. 8. – в печати.

43. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990.

44. Шенников А. А. Червленый яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. – Ленинград, 1987.

45. Capwell T. Armour of the English Knight 1400-1450. – London, 2015.

46. Gyula L. A Szent László-legenda középkori falképei. – Budapest, 1993.

47. Ildikó C. A homoródkarácsonyfalvi unitárius templom falképei // Müvelődés - közművelődési folyóirat. № 2. – Kolozsvár, 2008.

48. Kubik A.L., Piasecki A. The Confiscated Hoard of Mediaeval Arms and Armour from the Podlaskie Museum in Białystok // Acta Militaria Mediaevalia. T. XVI. – в печати.

49. La Baume W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreussen // Nahrichtenblatt für deutsche Vorzeit. Jg. 15. H. 11–12. Leipzig, 1939.

50. Mohamed B. The arts of the Muslim knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano, 2008.

52. Nadolski A. Grabarczykowa E. Militaria z grodziska w Plemiętah. Uzbrojenie ochronne. // Plemięta. Średniowieczny gródek w ziemi Chełmińskiej. Warszawa-Poznań-Toruń, 1985.

53. Nioradze G. Die Berg-Ossen und ihr Land: eine anthropologisch-ethnographische Untersuchung eines raurfsischen Volkes – Berlin, 1923.

54. Tsursumia M. The Helmet from the Wawel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet // Acta Militaria Mediaevalia. T. VII. Kraków – Rzeszów – Sanok 2011.

55. Tsursumia M. Once more about the Wawel helmet // Acta Militaria Mediaevalia. T. XII. Kraków – Sanok – Wrocław 2016.

56. Volkaitė-Kulikauskienė R. Ankstyviausiu šalmų Lietuvoje klausimu // Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai. Serija A. Nr. 2(19). – Vilnius, 1965.